

Н. Г. Юзефович
Хабаровск, Россия

N. G. Yuzefovich
Khabarovsk, Russia

**РОССИЙСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОРЛАНДО ФАЙДЖЕСА**

**RUSSIAN LINGOCULTURE
IN THE WORKS BY ORLANDO FIGES**

Аннотация. Рассматриваются способы передачи элементов российской лингвокультуры средствами английского языка. Материал исследования — малоизученный жанр политического дискурса: англоязычная историческая проза о России (книга Орландо Файджеса «*Natasha's Dance. A Cultural History of Russia*»).

Abstract. The paper analyzes the means used to describe the essence of Russian culture, "Russianness" in historic fiction "*Natasha's Dance. A Cultural History of Russia*" written by a famous British historian Orlando Figes.

Ключевые слова: ксеноним; культурная история; экспликация; семантизация; «русскость».

Key words: xenonym, cultural history; explanation; semantization, "Russianness".

Сведения об авторе: Юзефович Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры английской филологии, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации.

About the author: Natalia Grigorievna Yuzefovich, Senior Researcher, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology, Institute of Linguistics and Cross-Cultural Communication.

Место работы: Дальневосточный государственный гуманитарный университет

Place of employment: Far Eastern State University for the Humanities.

Контактная информация: 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68.
e-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru.

Диалог культур — объективная потребность современного мирового сообщества — предопределяет необходимость изучения дискурса разных сфер человеческой коммуникации. По определению В. Е. Чернявской, дискурс обусловлен идеологически, это «упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность» [Чернявская 2003: 54—55].

Именно политический дискурс наиболее ярко иллюстрирует взаимодействие социума и языковой личности: «говорящий не является абсолютным хозяином высказывания, так как сам в процессе речевой деятельности зависит от целого ряда экстралингвистических факторов, условий протекания речи и предшествующего контекста» [Кожина 2004: 13—14]. В политическом дискурсе функционируют тексты различных типов, при этом жанр текста определяет в некоторой степени модель описываемой действительности, картина мира которой может «отличаться от общенациональной языковой картины мира рядом особенностей» [Голованова 2003: 39—41].

Традиционно политический дискурс связывают с текстами СМИ, выделяя их как объект лингвистических исследований. Однако интерес представляет и популярная в англоязычной литературе «историческая проза» (historic fiction) — своеобразный маргинальный жанр, включающий элементы разных стилей. Подобная литература основана на фактах реальной действительности, что сближает ее с публицистикой, авторы опираются на научные исследования описываемой эпохи, привлекают для иллюстрации художественную литературу, тексты

СМИ. Книги снабжены, как правило, обширной библиографией, что способствует созданию эффекта достоверности изложения, при этом автор преломляет описание через призму собственного восприятия действительности, свой менталитет, идеологию своего общества. При этом следует подчеркнуть, что даже в пределах одного социума индивиды отличаются идеологически, выражая разные, иногда диаметрально противоположные точки зрения.

Обращение к исследованию англоязычной исторической прозы о России определяется необходимостью понять, какими «они» нас видят. Ежегодно за рубежом публикуются новые книги, в которых предпринимается попытка осмыслить значимые исторические периоды нашей страны (революции, войны, сталинизм, советскую эпоху, современность и пр.), выделяя ключевые события и тех, кто, по мнению писателей, определяет ментальность россиян сегодня. Авторы — главным образом британские и американские историки, исследователи и преподаватели русской истории. Назовем некоторые публикации XXI в.: R. Brackman. *The Secret File of Joseph Stalin: A Hidden Life*. — L., 2001; G. Hoskings. *Russia and the Russians*. — Penguin, 2001; M. Kostromina-Wayne & P. Wayne. *Living & Working in Moscow*. — L., 2002; W. Adamczyk. *When God Looked the Other Way: An Odyssey of War, Exile, and Redemption*. — University of Chicago Press, 2004; A. Jack. *Inside Putin's Russia*. — L., 2004; Ch. Freeland. *Sale of the Century. The Inside Story of the Second Russian Revolution*. — Abacus, 2006; A. Seierstad. *The Angel of Grozny: Inside Chechnya*. — Virago,

2008; M. Goldman. Oilopoly. Putin, Power and the Rise of the New Russia. — Oxford, 2008; D. Lieven. Russia Against Napoleon: The Battle for Europe, 1807—1814. — Lane, 2009; E. Lucas. The New Cold War: How the Kremlin Menaces both Russia and the West. — Bloomsbury, 2009; J. Dimbleby. Russia. A Journey to the Heart of a Land and its People. — BBC Books, 2009.

В эпоху холодной войны литература такого рода однозначно рассматривалась через оппозицию «свой» (единственно правильный) — «чужой» (враждебный, ложный, фальсифицирующий). Стереотипы такого рода порой звучат и сегодня: книги о России зарубежных авторов воспринимаются нами как предвзятые, искажающие нашу действительность.

В настоящей статье анализируется, какой видит Россию Орландо Файджес (Orlando Figes) и какие лингвостилистические средства известный британский историк, автор ряда книг о России, использует, воссоздавая картину мира российской лингвокультуры.

О. Файджес — английский историк, свободно владеющий русским языком и неоднократно посещавший Россию, что дало ему возможность лично изучать доступные материалы в российских архивах, беседовать с людьми, использовать разнообразные русскоязычные издания. На данный момент ни одна из его книг не издана в переводе на русский язык, поэтому нет устоявшегося написания его фамилии: в критических статьях и на форумах используются разные варианты — Файджес, Фигес или Файгес. Недавно планировалась публикация на русском языке книги “The Whisperers. Private Life in Stalin’s Russia”, однако проект не был реализован.

Исследуемое произведение описывает два века исторического развития сквозь призму формирования культуры. Естественно, многие события культурной жизни, творчество художников находились под влиянием идеологии, связаны с политическими изменениями в обществе.

Эта книга, как и другие произведения историка, получает неоднозначные отклики англоязычных читателей. На форуме “Readers Reviews” звучат и критические голоса, однако в целом англоязычные читатели отмечают, что получили не только удовольствие от чтения книги, но многое узнали о русской истории, о разнообразных чертах русского характера.

Авторская задача сформулирована в названии: “Natasha’s Dance. A Cultural History of Russia”. Роман Л. Н. Толстого “War and Peace” является прецедентным именем в англоязычной лингвокультуре, его наряду с романом Ф. М. Достоевского “Crime and Punishment”, как правило, называют произведениями, из которых читатели узнают о России, русских.

В отечественной лингвокультуре это скорее прецедентный текст, который изучается в курсе литературы в школе. Как показал опрос студентов 5 курса английского отделения, сцена танца

ассоциируется с первым балом Наташи Ростовой. Однако название книги содержит аллюзию на другой эпизод: подразумевается не светский бал, а деревня, где Наташа, услышав народную музыку, не смогла удержаться от пляски, народного танца, ср.: “Though Natasha has never before heard the folk song, it stirs some unknown feeling in her heart. <...> and setting her arms akimbo, also made a motion with her shoulders and struck an attitude. She did the right thing with such precision, such complete precision, <...> this slim, graceful countess, <...> was able to understand all that was in Anisya and in Anisya’s father and mother and aunt, and in every Russian man and woman” [Figes 2005: XXV—XXVI].

Чтобы англоязычный читатель понял замысел автора, аллюзию названия, в предисловии подробно описывается сцена танца, подчеркивается многозначность этого эпизода. То, что представительница высшего света может танцевать, как крестьянка, раскрывает суть русской души (Russian soul), обнажает народные корни, которые определяют «культурную историю России» и «русскость» (Russianness).

В книге выделено восемь тем: «Европейская Россия» (European Russia), «Дети 1812 г.» (Children of 1812), «Москва! Москва!» (Moscow! Moscow!), «Крестьянская свадьба» (The Peasant Marriage), «В поисках русской души» (In Search of Russian Soul), «Потомки Чингисхана» (Descendants of Genghiz Khan), «Россия через призму советского строя» (Russia Through the Soviet Lens), «Россия за рубежом» (Russia Abroad).

Россия XIX в. воспринимается сквозь призму французского влияния: французский язык, искусство, одежда, еда и пр. составляли значимую часть жизни высшего света. Автор цитирует известные работы А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, П. А. Вяземского, Н. М. Карамзина и др. Однако восприятие Франции, ее культуры под влиянием войны 1812 г., Французской революции и террора меняется, как меняется и отношение к крепостному праву, что приводит к восстанию декабристов, к появлению героев новой эпохи (Children of 1812).

Практически через всю книгу проходит мысль о том, что культура европеизированного высшего света близка по духу русскому народу; «народное самосознание» проявляется в культуре, живописи, литературе, особенно — в музыке.

Описывая тяжелое положение крепостных, издевательства над ними, автор в то же время подчеркивает негативное отношение к этому многим аристократов, интеллигенции 1860-х гг., цитируя И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова (глава “The Peasant Marriage”). Крепостничество рассматривается как исторический факт, причем автор указывает на особенно бесправное положение крепостных женщин. Читатель узнает, что «крестьянский вопрос» (“peasant question”) был в центре внимания в том числе людей искусства. Художники,

например И. Е. Репин, И. Н. Крамской, в своем творчестве подчеркивали значимость простого человека (the peasant as an individual human being). Цветные репродукции (*Бурлаки на Волге/The Volga Barge haulers; Крестьянин Игнатий Пирогов/The Peasant Ignatii Pirogov*) помогают иноязычному читателю представить картину мира российской лингвокультуры.

Файджес много внимания уделяет роли крепостных в создании русской культуры: музыка, живопись, театр и др. — сферы, где крепостные проявили свои таланты. Это стало возможным благодаря содействию аристократов — представителей высшего света. Автор также описывает трагическую, но романтическую историю любви крепостной певицы Праксоды и графа Шереметьева.

В книге нет «традиционного советского подхода», ставящего знак равенства между богатыми и плохими, бедными и хорошими. Опираясь на многочисленные литературные, исторические, политические источники, как русскоязычные, так и изданные за рубежом, автор предпринимает попытку описать разные стороны жизни России, постичь, что такое *русскость* (“Russianness”).

Ссылки на источники занимают более 50 страниц (587—642); на страницах 661—689 приведена рекомендуемая дополнительная литература (к каждой главе), включающая источники на английском языке, в том числе переводы русских авторов. В конце книги дается хронологический справочник (Table of Chronology, pp. 646—656). Наиболее значимые ксенонимы — обозначения артефактов, традиций, институтов власти — описаны в глоссарии (Glossary, pp. 643—645).

Для номинации наиболее ярких и важных культурно-специфических явлений автор использует *ксенонимы*. В концепции лингвистического описания межкультурной коммуникации В. В. Кабакчи национально значимые имена *родной* культуры называются *идионимами*, а ксеноним — иноязычная номинация реалии чужой культуры; иначе говоря, элемент инолингвокультуры получает новое обозначение в другом языке. Так, идионим *пляска* коррелирует со своим ксенонимом *pliaska* в английском языке. О. Файджес понимает, что иноязычные вкрапления без объяснения могут только в какой-то степени создать атмосферу инолингвокультуры, но не сделают ее доступной англоязычному читателю.

Название книги полифонично: автор неоднократно обращается и к роману, и к сцене танца на разных уровнях: это и *khorovod*, и *pliaska*. При всяком их упоминании добавляются новые объяснения, «высвечиваются» культурные ассоциации. Хоровод — это танец по кругу (ritualistic circular movements), что связывает его с древними языческими ритуалами: “...traces of ancient pagan rites had entered into peasant songs and ceremonials — especially the

khorovod, with its ritualistic circular movements” [Figes 2005: 280]. Это также ритуал крестьянской свадьбы (communal rituals): “The Russian peasant wedding was itself performed as a series of communal rituals, each accompanied by ceremonial songs, and at certain junctures there were ceremonial songs, and at certain junctures there were ceremonial dances like the *khorovod*” [Там же: 285]. Это *коллективный ритуал* (collective ritual), торжественный (ceremonial dance): “Collective rituals like the *Khorovod* were total works of art — little ‘rites of spring’ — combining folk song and ceremonial dance with real events in village life” [Там же: 272].

После 1812 г. *пляска* как истинно народный танец стала популярна на балах: “At balls in Petersburg, where European dances had always reigned supreme, it became the fashion to perform the *pliaska* and other Russian dances after 1812. <...> Princess Elena Golitsyn danced her first *pliaska* several decades later at a ball in Novgorod. ‘Nobody had taught me how to dance the *pliaska*. It was simply that I was a ‘Russian girl’” [Там же: 105].

Благодаря неоднократному использованию в разных контекстах, ксенонимы *khorovod* и *pliaska* приобретают прецедентную значимость для читателя. Данные ксенонимы образованы транслитерацией в комплексе с разнообразными способами семантизации.

Российская лингвокультура описана не в строго хронологической последовательности, а как будто мазками, на первый взгляд не связанными друг с другом: автор вводит какую-либо ксенонимическую номинацию без четкой экспликации, но позднее она же появляется уже в другом контексте, сопровождаемая дефиницией, описательным оборотом и пр. Авторский замысел состоит не в написании хроники событий двух веков, а в попытке понять, что такое *русскость* — главная составляющая русской культуры.

Как пишут читатели на форуме [Readers Reviews], иногда такой прием затрудняет чтение, однако постепенно многие начинают понимать, что такое представление культурно-коннотативных единиц, имен писателей, музыкантов и пр. заставляет читателя думать и чувствовать, проникать в текст. Создается впечатление, что описание преломляется через призму сознания читателя — представителя иноязычного мира, — который «путешествует» по разным местам и эпохам российской истории и постепенно осознает, что такое Россия и «русскость».

Интересно проанализировать, как создается символичность ксенонима *khalat*. Читатель оказывается на даче, ксеноним *dacha* является словарным, однако автор выделяет его курсивом, как окказиональную единицу. Понятие ксенонима раскрывается не дефиницией «загородный дом», а комментарием, описанием дачи как важного компонента образа жизни, размеренной и неторопливой, когда весь день можно

провести, «как Обломов в восточном халате»: “...spending the whole day, like Goncharov’s Oblomov, in an oriental *khalat*” [Там же: 106].

Читатель пока не знаком ни с И. А. Гончаровым, ни с Обломовым, значение ксенонима не описано, но курсив является маркером значимости нового слова. Через две страницы автор приводит описание этого элемента одежды, указывая также на его функцию: “...*khalat* (a splendid sort of housecoat or dressing gown in which one could lounge about at home and receive guests)”; подчеркивается, что это тоже признак *русскости* (Russianness) [Там же: 108]. В качестве яркого примера важности ксенонима приведена иллюстрация — портрет А. С. Пушкина: “Tropinin painted Pushkin wearing a *khalat* (plate 22), he was portraying him as a gentleman who was perfectly at ease with the customs of his land” [Там же: 109]. Используются различные способы семантизации: аналог (dressing gown), дефиниция, комментарий и др. Коннотации проясняются контекстом: “...most heartfelt striving of all our Oblomovs is their striving for repose in a dressing gown” [Op cit., p.411].

Символичность ксенонима *khalat* эксплицирует понятие «обломовщина» (*Oblomovshchina*): “The Russians have a word for this inertia — *Oblomovshchina* — from the idle nobleman in Goncharov’s Oblomov who spends the whole day dreaming and lying on the coach. Thanks to the literary critic Nikolai Dobloliubov, who first coined the term <...>, *Oblomovshchina* came to be regarded as a national disease. Its symbol was Oblomov’s dressing gown (*khalat*)” [Там же: 410]. При этом отмечены и определенные политические коннотации ксенонима, автор цитирует В. И. Ленина: «Lenin used the term when he grew frustrated with the unreformability of Russian social life. “The old Oblomov is with us”, he wrote in 1920» [Там же: 411].

Нестандартным представляется описание движения народничества (Populism, popular movement), которое представлено не чисто политическим движением, но и явлением культуры, как в вершинных проявлениях (искусство, живопись, музыка, литература), так и в бытовых (образ жизни).

«Русскость» проявляется, как было отмечено выше, в народных танцах, сказывается она и на моде. Крестьянская одежда превратилась для высшего света в своего рода атрибут политических взглядов. Так, высший свет постепенно отказывался от европейской моды в пользу национальной одежды: “Russian forms of dress became the height of fashion after 1812. At balls and receptions in St Petersburg, and from the 1830s at the court as well, society ladies began to appear in national costume, complete with the *sarafan* tunic and *kokoshnik* head-dress of old Muscovy. <...> The *kaftan* and *khalat* <...>. The *poduyovka*, a short *kaftan* traditionally worn by the peasantry, was added to the wardrobe of the nobleman as well. To wear such clothes was <...>

‘to make a conscious statement of one’s Russian-ness’” [Там же: 108].

В приведенном выше отрывке автор вводит ксенонимические обозначения одежды, традиционно популярной среди крестьян, но ставшей частью гардероба высшего света после 1812 г. Для экспликации используются разнообразные приемы: аналог (tunic), дефиниция (head-dress of old Muscovy), ранее введенный и внесенный в глоссарий ксеноним (*poduyovka*, a short *kaftan*).

В повествование включены многочисленные реалии русской действительности описываемой эпохи, которые выступают как важнейшие маркеры «чужого». Словарных ксенонимов русского происхождения в английском языке не так уж много, причем не требуют семантизации лишь единицы, например, историзмы: *tsar*, *Bolshevism*, — прецедентные имена собственные: *Lenin*, *Stalin*, *Tolstoy* и т. д. Следует отметить, что в англоязычной лексикографической практике принято включать наиболее значимые антропонимы и топонимы в толковый словарь, что у нас не принято.

Обилие имен композиторов, писателей, поэтов, названий их произведений достаточно сложно для восприятия англоязычным массовым читателем, что отмечают читатели в отзывах [Readers Reviews]. С другой стороны, это говорит о том, что автор пытается раскрыть разные стороны лингвокультуры России; кроме того, указатель имен собственных и основных ксенонимических номинаций (Index) помогает ориентироваться в книге.

Одним из популярных способов семантизации ксенонима является раскрытие внутренней формы идионима: транслитерация *pochvenniki* сопровождается калькированием, причем кавычки являются маркером варьирования значения: “...the so-called ‘native soil’ critics (*pochvenniki*)” [Там же: 194].

Автор варьирует способы экспликации новых номинаций, используя комментарий, описание реальных событий, цитаты из литературных произведений, репродукции живописных полотен, описания музыкальных произведений. Причем, как отмечалось выше, наиболее значимые ксенонимические номинации используются в тексте неоднократно и в разных функциях, что позволяет получить более полное представление о понятии, явлении и пр. Так, ксенонимы *pochvenniki* / “native soil” movement описаны на с. 194 (глава «Moscow! Moscow!») и на сс. 331—332 (глава «In Search of the Russian Soul»), чем подчеркивается взаимосвязь разных событий и людей, значимость ксенонима.

Немало страниц в книге посвящено трагическим событиям: обеднение крестьянства, тяжелое положение крепостных, опричнина, последствия нашествия монголов и пр. Автор «выходит» за пределы двух веков, обращается к предшествующим событиям, которые помогают понять последующие периоды, кроме того, ищет «корни» тех или иных фактов. О. Файджес

не стремится к «очернению» российской истории, действительности. В жизни любого государства есть события, которые формируют мрачную картину мира, но она не выносится на первый план, автор рассуждает о том, как прошлое, сложности быта, тяготы жизни повлияли на характер народа, на культуру.

Много внимания уделено описанию взаимосвязи культуры, политики и религии, попытке понять «христианскую душу» (Christian soul). Автор вновь отсылает читателя к литературе: "...the vision of the 'Russian soul' — of a universal spirit that would save the Christian world — which Gogol tried to picture in the second and third volumes of *Dead Souls*" [Там же: 313].

Красной нитью через книгу проходит мысль о связи литературы, живописи, музыки с жизнью народа, автор подчеркивает, что искусство является одним из ключиков к «русскости», важнейшим компонентом которой выступает ксеноним *sobornost'*. В данном случае автор комментирует значение, привлекая и этимологию слова, подчеркивающую религиозные корни русского человека: "The Slavophile idea was rooted in the notion of the Russian Church as a free community of Christian brotherhood — a *sobornost'* (from the Russian word *sobor*, which was used for both 'cathedral' and 'assembly') — as outlined by the theologian Aleksei Khomiakov in the 1830s and 1840s" [Там же: 312]. «Соборность» рассматривается как неотъемлемое качество свободного человека: "The Slavophiles were firm believers in the liberation of the serfs: for only the communion of fully free and conscious individuals could create the *sobornost'* of the True Church" [Там же: 313].

Говоря о том, что славянофилам была присуща вера в «избранность» русского народа, автор отмечает, что корни такого понимания пришли в Россию из Европы: "Gogol was the first to give the 'Russian soul' this messianic turn. The lead came from Germany, where Romantics like Friedrich Schelling developed the idea of a national spirit as a means to distinguish their own national culture from that of the West" [Там же: 313].

По мнению О. Файджеса, одной из причин возникновения идеи «национальной души» (national soul), приоритета духовности была экономическая отсталость страны: "What such nations lacked in economic progress they could more than make up for in the spiritual virtues of the unspoilt countryside. Nationalists attributed a creative spontaneity and fraternity to the simple peasantry that had long been lost in the bourgeois culture of the West" [Там же: 313—314].

Отечественные политические события XX в. представлены главным образом как разрушительные для творчества, негативно повлиявшие на цивилизацию: "The February Revolution had swept away, not just the monarchy, but an entire civilization" [Там же: 436]. Автор не разделяет точку зрения, что революция принесла

пользу бедноте, подчеркивает, что большевики спекулировали на вере бедных крестьян в то, что быть бедным — это по-христиански: "In the Russian peasant mind there was Christian virtue in being poor — a fact the Bolsheviks exploited brilliantly when they called their newspaper *The Peasant Poor (Krestianskaia bednota)*" [Там же: 437].

Читатель знакомится с творчеством А. А. Ахматовой, Е. И. Замятина, В. В. Маяковского и др. Важную роль в формировании «советского человека» играло движение пролеткульта, направление, отражающее новые формы жизни: "The Proletkult (Proletarian Culture) movement was equally committed to the idea of the artist fostering new forms of social life" [Там же: 448]. Идионим *пролеткульт* транслитерируется, а его ксенонимическое обозначение *Proletkult* эксплицируется посредством кальки полного названия (Proletarian Culture).

В советский период — период строительства нового общества, воспитания «нового советского человека», — было образовано множество номинаций, часть которых вошла в словарный фонд английского языка как советизмы. Например: "**Bolshevik 1**) a member of the political party led by Lenin, which took power in Russia in the Russian Revolution of 1917 and later became the Communist Party; **2**) an insulting word for a Communist or anyone with strong-left wing opinions" [Longman Dictionary: 133]. Как следует из словарной дефиниции, номинация обладает выраженной негативной коннотацией (значение 2), кроме того, Communist Party и the Soviet Union в стереотипах «холодной войны» были пейоративны: "Most people in the US and the UK think of communism in relation to the former Soviet Union and China" [Longman Dictionary: 256]. Негативная окраска подобных номинаций «пропитывает» весь контекст, большевизм представлен скорее как разрушительная, чем созидательная сила.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть книгу более подробно, отсутствие перевода на русский язык не дает возможности услышать мнение отечественных историков, литераторов, искусствоведов. На мой взгляд, автор достиг своей цели: представил историю формирования российской лингвокультуры в контакте с развитием политической мысли, идеологией. Именно переплетение культуры и политики влияет на образ жизни как простого народа, так и высшего света, интеллигенции, что и формирует «русскость».

Эффективное и адекватное взаимопонимание возможно, если участники общения стремятся к диалогу. Поэтому мы должны знать, что «они» о «нас» думают, какими «они» «нас» видят.

ЛИТЕРАТУРА

Голованова А. В. Структурно-типологические особенности картины мира в текстах средств массовой коммуникации // Современная политическая лингвистика : материалы междунар. науч. конф.

(Екатеринбург, окт. 2003 г.) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. С. 39—41.

Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В. В. Кабакчи ; РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1998.

Кожина М. Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст — Дискурс — Стилль : межвуз. сб. науч. тр. / СПбГУЭФ ; [под ред. В. Е. Чернявской]. — СПб., 2004. С. 9—33.

Чернявская В. Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Наука, 2003. С. 53—55.

Black M. *Dancing Through Russia's Cultural History*. URL: <http://www.albany.edu/offcourse> (дата обращения: 05.10.2009).

Figes O. *Natasha's Dance. A Cultural History of Russia*. — Penguin Books, 2005.

Longman Dictionary of Language and Culture. — Longman, 1998.

Readers Reviews. URL: <http://www.amazon.co.uk/gp/cdp/member-reviews/> (дата обращения: 11.02. 2011).

Статью рекомендует к печати